

М. В. Ильин

АЛЬТЕРНАТИВНЫЕ ПОЛИТИЧЕСКИЕ ФОРМЫ В ИСТОРИЧЕСКИХ ВРЕМЕНАХ И ЦИВИЛИЗАЦИОННЫХ ПРОСТРАНСТВАХ (I)¹

Ключевые слова: политическая форма, политический порядок, политическая формула, эволюционная морфология

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ (проекты № 13-03-00310а «Эволюционная морфология имперской организации политического пространства» и № 13-03-00399а «Между патримониальным и современным политическим порядком: качество управления в странах постсоветского пространства»), а также РФФИ (проект № 13-06-00789 «Разработка интеграционных методов и методик социально-гуманитарных исследований»).

² Каспэ [Kaspe] 2007.

Замысел статьи о политической форме возник у меня давно, как только я прочел монографию Святослава Каспэ, изданную Московской школой политических исследований². Это было, кажется, в 2008 г., когда он принес ее для обсуждения на кафедре сравнительной политологии МГИМО(У), за которым последовала защита книги в качестве докторской диссертации. Мы обсуждали со Святославом Игоревичем и в личных беседах, и на кафедре, и непосредственно в ходе защиты различные аспекты понимания политической формы — от нюансов до кардинальных принципов. Идей было много. Хотелось их записать, сделать достоянием коллег и обсудить в более широком формате. Но за нехваткой времени не получилось. Теперь пришла пора осуществить старый замысел. Но в один текст, похоже, всего не вместить. Придется снова немало отложить основной разговор, а пока сформулировать некоторые общие подходы, его предваряющие.

Начну с описания особого угла зрения и способа научного анализа действительности — морфологии. Этот способ связан с изучением форм и так или иначе представлен в таких научных дисциплинах, как геология, лингвистика, математика, биология, а также в социальных науках, включая политологию. Затем попытаюсь разобраться с тем, почему люди воспринимают как явления одного порядка и называют одним словом «форма» (или его аналогами) очень непохожие друг на друга инструменты морфологического, философского или обыденного анализа. Далее будет рассмотрено соотношение различных фактических политических форм (во множественном числе) с абстрактной политической формой (в единственном числе) и предложено различие политической формы, политических порядков и политических формул. Наконец, будет дан обзор фактически существующих, существовавших и способных существовать форм, порядков и формул во временах и цивилизационных пространствах политики с помощью научного аппарата эволюционной морфологии.

Таков план первой части статьи. В следующей можно будет рассмотреть вопрос о том, как и когда уместно говорить об абстрактной

политической форме и каким образом это лучше делать. Собственно, с этого вопроса и началась наша дискуссия со Святославом Игоревичем лет семь назад. И он же закономерно завершит пролог к продолжению разговора уже на страницах «Политии».

Морфология

Достаточно заглянуть в энциклопедические словари или воспользоваться поисковыми системами, чтобы убедиться: дисциплинарное пространство современной науки пестрит всевозможными морфологиями. Наряду с дюжиной других дисциплин выделяются геоморфология, биологическая, социальная, лингвистическая и даже математическая морфология. Можно найти морфологию растений, волшебных сказок, глагола, городских агломераций, звездных туманностей и т.д. Чего только не найдешь! Десятки и десятки названий.

Бурное распространение в научном мире морфологии и морфологического анализа — феномен относительно недавний. Считается, что первым выделил морфологию как особую научную дисциплину Иоганн Вольфганг фон Гёте в своем «Опыте объяснения метаморфоза растений»³. В нем он ввел в оборот само понятие «морфология», а также создал строгие модели формирования растений, показав, что различные органы последних, их стебли, цветы и многое другое суть лишь превращенные формы (метаморфозы) листа. В конечном счете Гёте даже предложил абстрактную модель более высокого ранга — растения как биологического явления. За два с небольшим века творческий импульс Гёте оказал беспрецедентное воздействие на науку. Фактически возник — пока в дисциплинарно разрозненном виде — своего рода универсальный научный органон сродни математике, логике и, добавлю, семиотике и компаративистике⁴.

Означает ли это, что до Гёте никакого морфологического анализа не было? Разумеется, нет. Достаточно вспомнить о давней традиции анализа форм правления. Историки политической мысли возводят ее к Аристотелю, хотя учение о правильных и неправильных формах правления было уже у Платона и, вероятно, имеет еще более древние истоки. Можно вполне обоснованно утверждать, что морфологии политики больше двух тысячелетий.

Еще древнее морфология языка. Она была вполне системно описана примерно в IV в. до н.э. древнеиндийским грамматиком Панини. В своей «Аштадхьяи» («Восьмикнижии») он не только создал нормативную грамматику санскрита, но и ввел морфологические категории корня, суффикса, частей речи и даже морфемы и фонемы⁵.

Все науки, именующие себя морфологиями, а также те, что обходятся (или обходились) без этого названия, но фактически образуют часть многосоставного морфологического органона, строят свой анализ на ряде сходных принципов, алгоритмов и даже процедур. Они систематически выделяют явления, которые так или иначе соотносятся между собой. В обыденной речи мы сказали бы, что они напоминают друг

³ Goethe 1790. Русский перевод см. Gerte [Goethe] 1957: 5—21.

⁴ В настоящее время Центр перспективных методологий социально-гуманитарных исследований ИНИОН выясняет возможности подобных органонов и соотношение между ними. Подробнее см. выпуски ежегодника «МЕТОД» за 2013 и 2014 гг.

⁵ <http://www.wilbourhall.org/index.html#panini>. Изложение идей Панини см. Топоров [Топоров] 1961; Березин [Berezin] 1984; Алпатов [Alpatov] 1999.

друга, сходны, идентичны или различны в той или иной степени. Морфологи подобные сходства и различия трактуют достаточно строго — как аналогии, гомологии, гомеологии, гомодинамии, гомономии, гетерологии и т.п.⁶ Или, пользуясь близкими по смыслу, но иначе звучащими терминами, ведут речь о конгруэнтности, изоморфизме, гетероморфности и прочих свойствах жизненных явлений. С помощью своего научного аппарата морфологи не только куда точнее, чем в обыденном языке, фиксируют приблизительные сходства и различия, но и надежно выявляют их значимые признаки, параметры, причины и т.д. Но и этим дело не ограничивается: путем ряда шагов или операций они превращают выявленную структуру отношений, их конфигурацию во внутреннюю сущность изучаемых явлений, вычленив и описывая их морфологическую своеобразность, или форму. Ибо форма для морфологов не сводится к любой конфигурации, как в обыденном языке. Она настолько пропитана свойствами и прочими особенностями, что содержание оказывается неотчуждаемо от формы. Это огонь, мерцающий в сосуде. На свой лад каждый морфолог зажигает пламя смысла и знания в сосудах первоначально бедных и простых конфигураций.

Есть ли научные аналоги образа, найденного Николаем Заболоцким? Есть, и немало. Это богатые и насыщенные понятия форм, которые морфологи используют в своих предметных областях. Они качественно отличаются от слова «форма» в обыденном, журналистском или политическом языке. Оно-то как раз зачастую понимается именно как «пустой сосуд». Даже интеллектуалы и философы нередко рассматривают как подлинную именно форму, лишенную какого бы то ни было наполнения. Все, что есть у такой формы, — это бессодержательная конфигурация. В отличие от нее понятия морфологов насыщены и смыслом, и его «светом».

Одним из наиболее ярких примеров является трактовка институциональной формы Максом Вебером. В заключительной главе «Протестантской этики и духа капитализма» он описывает метаморфозу институциональных рамок как замену плаща протестантского аскетизма на прочный, как сталь, футляр капиталистической выгоды⁷. Характерно, что одно и то же слово *Gehäuse* (футляр, корпус, кожух, панцирь, скорлупа, раковина и т.п.) в качестве научного термина может пониматься двояко: и как вместилище любых институциональных практик, и как название специфических рамок. Благодаря добавлению прилагательного *stahlhartes* («стальной прочности») выражение *ein stahlhartes Gehäuse* оказалось настолько образным, что было переведено Толкоттом Парсонсом на английский даже не как «стальной панцирь», а как «стальная клетка»⁸. В результате представление о нормальности стальной клетки рациональных институтов и ненормальности, девиантности институтов «нерациональных» стало едва ли не общим местом сначала англоязычного, а затем и мирового обществоведения. Между тем сама метафора замены плаща футляром (ср. с чеховским «Человеком в футляре») была призвана высветить специфический момент развития,

⁶ См. Патцельт [Patzelt] 2012.

⁷ Weber 1920: 202. В русском переводе М.Левиной используется выражение «стальной панцирь» (см. Вебер [Weber] 2013: 127).

⁸ Фразу Вебера «Aber aus dem Mantel ließ das Verhängnis ein stahlhartes Gehäuse werden» (Weber 1920: 202) Парсонс перевел: «But fate decreed that the cloak should become an iron cage» (Weber 1958: 181).

тесно увязанный с конкретным временем и местом превращения форм институциональных практик.

⁹ Archer 1995. Другой весьма наглядный пример — морфогенетика Маргарет Арчер⁹. В русле усилий критического реализма по преодолению разрыва между структурой (structure) и субъектностью (agency) она рассматривает формы не как нечто наличное, а как нечто становящееся. Отдельные моменты, фазы и проявления процесса становления и изменения форм как раз и образуют их целостность. Энтелехию, сказал бы Аристотель. Морфогенезис, говорит Маргарет Арчер.

¹⁰ Lijphart 1999. Наконец, прекрасным примером насыщенных форм служат лейпхартовские паттерны демократии¹⁰. По сути, в данном случае точнее было бы говорить о морфологических паттернах демократии.

Итак, очень непохожие друг на друга инструменты морфологического, философского или обыденного анализа оказываются интеллектуальными образованиями одного порядка и обозначаются как «форма», «морф», «гештальт», «паттерн», «образ» и т.п. Вместе с тем из всего этого набора терминов ключевыми для морфологии являются греческое *μορφή* и латинское *forma*. Обратимся же к истокам — первоначальным смыслам самих этих слов.

Форма

При сопоставлении двух созвучных слов *μορφή* и *forma* невольно возникает впечатление, будто просто произошла перестановка слогов и звуков. Это нередко заставляет усматривать и родство между этими словами, однако сейчас можно считать установленным, что их происхождение различно. Этимологи возводят латинское слово к индоевропейскому корню **dher-* со значением «держать», а греческое — к корню **mer-* со значением «сияние, сиять». От этого корня в греческом был образован глагол *μαρμαίρω* — «сиять», а также прилагательное *μαρμαρεος* и производное от него существительное *μαρμαρος* — «сверкающий камень, мрамор».

¹¹ Pokorny 1959: 734. Присоединение к корню **mer-* суффикса **bha* дает существительное **mor-bhā* со значением «облик». Ему прямо соответствует греческое *μορφή*, а также производное прилагательное *μορφνός* — «темный». В русском от индоевропейского «сияния» произошло «марево», а в латыни прилагательное *merus* — «чистый»¹¹. Такое расхождение смыслов не должно удивлять. Здесь мы сталкиваемся с явлением энантиосемии — контрастности смыслов. Например, слова «блестящий», «блестящий» и «бледный» восходят к корню **bhlēi*¹².

¹² Ibid.: 155—156, 160.

Греческой идее морфы, облика противостоит латинская идея формы, упорядоченности. В чем ее суть и каково внутреннее строение соответствующего латинского слова? Этот вопрос уместно разобрать после краткого обращения к Вергилию. В шестой книге своей «Энеиды» он устами Анхиза передает Энею отеческий завет, в чем должны состоять величие и миссия Рима. При этом признаются и немалые таланты неназванных других — греков, конечно. Им дано создавать прекрасные

творения из бронзы и мрамора, продуцировать яркие образы в ораторских прениях, улавливать контуры движения небесной сферы. Не правда ли, это удивительное владение искусством находить облик, морфу? А вот римлянам дано иное:

Тебе же, о римлянин, помни — державно народами править;
В том твои будут искусства, вводить чтоб обычаи мира,
Милость покорным давать и войною обуздывать гордых¹³.

¹³ Редакция автора.

¹⁴ *Im-paro, im-parare* — от глагола *paro* («готовить, копить, предпринимать») и приставки *in* (*в-, на-, воз-, при-*) (в соответствии с законами фонетической ассимиляции звук *p* перед губными звуками *b, p* и *t* становится губным *m*, перед фрикативным *r* — фрикативным *ɾ*, а перед сонорным *l* — сонорным *l*), то есть дословно «при-готовлять, в-чинять, воз-действовать». Подробнее об этимологии и смысле этого глагола см. Wagenvoort 1947: 66—70, где акцентируются исходные первобытные смыслы порождения и прокреативной силы (глаголы *paro* и *pario* («рождать») однокоренные).

¹⁵ Цымбурский [Сymburskij] 2000: 117—123.

¹⁶ Топоров [Toporov] 1988.

¹⁷ Ильин [Ilyin] 1997: 224.

¹⁸ Трубачев [Trubachev] (ред.) 1978: 231.

¹⁹ Ильин [Ilyin] 1997: 225—226.

Сам выбор слов характерен. Тебе править державно (имперски) народами — *tu regere imperio populos*. И тут же следом: *pacique imponere morem* — обычаи мира вводить, *im-ponere* (дословно «в-кладывать»), почти *im-perare* («властвовать», от *im-parare* — «приготовлять»¹⁴). И это вчинение и закрепление обычаев мира как раз и есть создание («приготовление») и подержание формы по-римски.

Что же означает латинское слово *forma*? Какова его внутренняя структура и этимология? Эти вопросы прекрасно разъяснены в интереснейшем сочинении Вадима Цымбурского «Латинский трилистник»¹⁵. В нем замечательный лингвист и политолог убедительно показывает связь между словами «форма» и «дхарма» (от индоевропейского этимона **dher-m*), ссылаясь при этом на Владимира Топорова¹⁶ и признавая его первенство в ее обосновании. Но еще задолго до выхода «Трилистника» Цымбурский неоднократно излагал эту идею в своих выступлениях и беседах с коллегами. Мы не раз обсуждали с ним возможность более широкой трактовки установленной им связи двух цивилизационных принципов. Это позволило мне в свое время писать о трех таких принципах — римской форме, индийской дхарме и славянской державе¹⁷.

Должен признать, что Цымбурский возражал против выстраивания подобного единого ряда. Действительно, в глаза бросаются различия в суффиксальном оформлении: *m* в одном случае и *av* — в другом. Впрочем, и основы корней уже различаются. В одном случае это нераспространенная основа **dher-*, а в другом — расширенная основа **dhergh-*. В последнем случае смысл держания получает дополнительные коннотации прочности, которые даже могут выходить на передний план, на что обращал внимание еще Олег Трубачев, зафиксировавший связь русского «держать» с древнеиндийскими *drhyati* («быть твердым, прочным») и *drhati* («укреплять»), авестийским *darezayeti* («привязывать, связывать», то есть прикреплять), латинским *fortis* («крепкий, сильный») и литовским *dirzti* («твердеть, становиться крепким») ¹⁸.

Несмотря на все эти резонные возражения, мне по-прежнему кажется, что явно выраженный смысл поддержания не только социального, но также сакрального единства и порядка, изначально присущий славянскому принципу державы¹⁹, вполне позволяет считать его порядковым форме и дхарме.

В славянском, а затем и в русском претворении корня **dher-* отчетливо сохранились исходные смыслы прочности, крепости, надежности. Весьма показательны в этом отношении примеры обыденного

словоупотребления, приводимые Владимиром Далем: «В этих колесах никакой державы не будет... Для державы железные полосы в стены заложены»²⁰.

²⁰ Даль [Dal'] 1978: 434.

Наиболее древнее политическое использование слова «держава» связано с подчеркиванием соединяющей роли родового этоса, олицетворяемого сакральным подателем блага политической целостности. Именно этот момент и подчеркивает Владимир Колесов: «*Держава* — поддержка могуществом или силой, дарованная избраннику обычно божеством, потому что верховная сила находится все же у бога. „Да надеяся на твою державу, поперу козни [дьявола]“, — восклицает в молитве Владимир Мономах, а затем, вслед за ним, и еще несколько поколений князей — вплоть до Дмитрия Донского в его молитвах на Куликовом поле»²¹.

²¹ Колесов [Kolesov] 1986: 274.

В ходе дальнейшего развития в русском и других славянских языках и культурах идея державы-скрепы породила целый ряд самостоятельных производных понятий, зачастую очень узких и специфичных. В их числе и наша держава, акцентирующая великодержавие и самодержавие. Но и в этом гнезде слов явственно сохранились исходные коннотации, пусть даже они и оказались забыты громкими (я бы сказал — оглушительными) идеологическими интерпретациями самых разных цветов.

Наряду с державой, формой и дхармой в индоевропейской традиции может найти свое место и литовский аналог. Это слово *dermė*, которое обозначает «интервальный ряд», но изначально также лад и гармонию в целом. Хотя само ключевое слово приобрело довольно узкое значение, идея лада, без сомнения, крайне важна и для литовской, и для балто-черноморской традиции. Да, литовская культура так и не развилась в полномасштабную цивилизацию, однако в XIV—XVI вв. Великое княжество Литовское восстановило имперские структуры Киевской Руси и на два с лишним столетия стало своего рода Балто-Черноморской империей²². Как раз в этот исторический период был осуществлен удачный литовско-славянский синтез, согласие, лад, *dermė*.

²² Ильин, Мелешкина [Цуїн, Meleshkina] 2010.

²³ Под открытостью первого порядка понимается безусловная открытость, которая создается избытком неких качеств (блага) в ядре системы и дефицитом данных качеств во внешней среде. В силу этого открытость и экспорт блага являются «естественными», ничем не сдерживаемыми и неуправляемыми (Ильин, Пымбурский [Цуїн, Сymburskij] 1997).

Таким образом, в индоевропейской традиции прослеживаются по меньшей мере четыре версии общего морфологического принципа поддерживаемого порядка. Он заключается в *избытке блага, открытости первого порядка*²³, *монизме, концентричности и иерархичности организации, а также в противопоставлении открытой системы внешней варварской среде, для которой характерен дефицит блага*. В каждой версии общего (универсального) морфологического принципа опорным моментом концептуализации является благо. Для эллинизма это «облик, образ, гештальт, пластичность»; для романской и, шире, западноевропейской традиции — «упорядоченность, закрепление, фиксация образцов и правил»; для славянства — «удерживание исходного фундаментального единства»; для литовской культуры — «лад, выстраивание ряда». Не берусь судить, каковы иные версии общего

морфологического принципа, тем более за пределами индоевропейского культурно-исторического ареала. Впрочем, за всем разнообразием имен и слов можно усмотреть некую логику эволюционного разветвления различных политических форм со своими специфическими принципами и способами организации, или формулами.

**Политическая
форма,
политические
порядки
и политические
формулы**

Данное терминологическое различие уже было предложено мною ранее²⁴. Разумеется, можно говорить об общей, универсальной форме (в единственном числе) аналитически выделяемой и мыслимой идеальной цивилизации/империи, а также о конкретных формах (во множественном числе) эмпирических явленных цивилизаций/империй. Равным образом допустимо говорить об общем универсальном порядке идеальной, только в наших умах существующей цивилизации/империи и о множестве эмпирически явленных порядков в тех или иных исторических и геополитических обстоятельствах. Однако мне представляется гораздо более удобным говорить об универсальной морфологической форме империи/цивилизации и об уникальных порядках исторических империй и цивилизаций. То есть универсальную форму/порядок целесообразно вербализовать с помощью слова «форма», а эмпирически явленные формы/порядки — с помощью слова «порядки».

²⁴ Ильин [Ilyin] 2013.

Помимо языкового чутья предпочесть вариант «универсальная морфологическая форма» и «уникальные политические порядки» побуждает пример совмещения разных порядков в одной форме у Полибия. Действительно, Полибий находил разгадку величия Рима, чудесной формы (и формулы) его владычества-империи не только в соединении трех разных порядков (монархического, аристократического и демократического), но и во взаимном подкреплении их конкретных институциональных проявлений.

Другая причина, по которой уместно предпочесть термин «форма» для обозначения морфологического принципа имперской организации, заключается в том, что тогда отвечающую этому принципу структуру или, точнее, аналитическую модель естественно будет именовать формулой. При этом более детальные и своеобразные аналитические модели отдельных эмпирических порядков также целесообразно именовать формулами — в силу того, что любая модель так или иначе является мыслительным образованием, которое по определению заметно абстрактнее даже идеографически представленных данных, а тем более фактуры, подлежащей обработке с помощью соответствующей модели.

Вспомним, что Роберт Даль настаивал на необходимости строгого различения «идеальных апельсинов» и «настоящих яблок», идеальной и действительной, «реально существующей» демократии²⁵. Замечу, что в данном случае правильнее было бы вести речь об «идеальном фрукте» и настоящих апельсинах, яблоках и т.п. Именно так различал морфологический феномен и эмпирические феномены Гёте.

²⁵ Даль [Dahl] 2003: 125.

**Метаморфозы
политических
порядков**

Политическая форма варьирует во времени и пространстве. Она предстает в череде эволюционных порядков. При высоком уровне обобщения вполне возможно представить фактически существующие, существовавшие и способные существовать в различных временах и цивилизационных пространствах политические порядки с помощью научного аппарата эволюционной морфологии или геохронополитики. Это удобно сделать, выделив три пласта, или зона, эволюции.

Первый зон этнокультур характеризуется закрытостью формы. Порядки этого типа самодостаточны для своих и закрыты для чужаков. Они основаны на прямом и не требующем интерпретации общении. Этнокультуры используют исключительно речевую коммуникацию и ограничены повседневным межличностным доступом. В результате эти дописьменные, а потому доисторические формы организации живут в вечном «здесь и сейчас» мифа и задействуют соответствующие морфологические формулы.

Второй зон использует открытую форму (точнее, порядки) цивилизаций и империй при сохранении также и закрытых порядков этнокультур в виде своего рода вкраплений. Такие порядки образуют в потенциции безграничный конгломерат этнокультур, консолидированный господством «Вечного города», претендующего на роль цивилизационного центра. Город приобщает чужие этнокультуры к стандарту своей цивилизации. Подобной открытой системе необходима трансляция общения, а значит — письменность, архивы, коммуникационные инфраструктуры, бюрократия и т.п. Здесь уже начинается летописание, интерпретация имперской цивилизацией череды событий и политических изменений как своей «судьбы», а с этим — и переживание своей истории с ее разнообразными формулами. Однако доступ остается ограниченным, поскольку универсальная открытость империй и цивилизаций не позволяет применять этот принцип и формулы открытости «по мелочам».

Третий зон создает формы второго порядка открытости, предполагающего способность открывать и закрывать свои институциональные рамки вполне регулярными и институционально обеспеченными способами. Это нации со своими морфологическими «футлярами» государств и границ, а также мировое сообщество наций — пока еще недосложившееся, но уже начавшее свое становление. Разумеется, в этом сложном образовании в качестве разного рода включений сохраняются и открытые, и закрытые порядки. Что же касается общения, то оно опирается и на книгопечатание, и на массовые коммуникации. Институциональные возможности закрепляются в виде многочисленных и разнообразных формул, обеспечивающих условно открытый доступ.

Приведенная схема крайне груба. Следует учитывать, что зоны не только противопоставлены на основаниях закрытости/открытости, но и связаны между собой наследованием. Процесс такого наследования можно метафорически представить как «наложение» одного зона на другой. По сути же средством и результатом наследования становятся как бы особые промежуточные зоны, которые в силу их качествен-

ного отличия от собственно эонов целесообразно именовать стадиями. Первая переходная стадия содержательно связана с очень сложным и важным идеально-типическим «приоткрыванием» этносов и возникновением импульсов цивилизационной радиации. Вторая — с симметричным «призакрыванием», или «окукливанием», цивилизаций и образованием ядер консолидации наций.

Хронополитическая перспектива морфологического наследования формул в череде порядков позволяет уйти от линейной схемы смены эпох и перейти к идее их выростания друг из друга. Ни одна эпоха не отвергает предыдущую, но находит способы усвоить то, что было создано ранее, и нарастить свои новации. В результате в качестве основы для выделения эволюционных поколений политических систем мною предлагается предельно типизированная схема развития человеческих общностей, которые при всех сущностных и, казалось бы, взаимоисключающих различиях вырастают друг из друга, сохраняясь в череде метаморфоз.

Как исходный момент, своего рода преддверие хронополитики я рассматриваю возникновение политической организации из первоначально единой прокреативной функции воспроизведения человека и человеческого рода. Эта функция в процессе антропогенеза вполне естественно нагружается организационным потенциалом. Появляются половозрастные роли. Их закрепление создает предпосылки для формирования зачатков целедостижения, а с ним и политики. При этом обнаруживается устойчивая связь целедостижения с двумя контрастными, но взаимодополняющими началами — ресурсно-силовым, или потестарностью, и образцово-правовым, или обрядностью, ритуальностью. Превалирование одного из начал дает различные версии политической организации в рамках отдельных эонов и стадий хронополитического развития.

Первая переходная стадия связана с приоткрыванием политий, образованием зачатков разделения центра и периферии, рационализацией статусно-ролевых дифференциаций. Наиболее типичными среди свойственных переходной стадии протоисторических и раннеписьменных систем являются полис и деспотия. Они разрушают (деструктурируют) замкнутые этносы-роды либо за счет сегментарного «склеивания» родоплеменных союзов, либо за счет синойкизма. Следом наступает конструктивная фаза: образование пирамидальных патримониумов или иных деспотических образований, а также полисов.

Беспрецедентная концентрация мощи, организационных, культурных, хозяйственных и коммуникационных ресурсов в отдельных центрах при сохранении слабой и разрозненной варварской среды отдельных закрытых языков и «язычников» порождает открытые системы экспансии и «цивилизации». Так возникают открытые порядки цивилизаций. У них имеются свои формулы. Они нередко представляются в виде миссии. Чтобы их закрепить, создаются хроники и исторические сочинения, архивы и монументы.

²⁶ North, Wallis, Weingast 2009. Русский перевод см. Норт, Уоллис, Вайнгаст [North, Wallis, Weingast] 2011.

В терминах Дугласа Норта, Джона Уоллиса и Барри Вайнгаста²⁶ возникшие морфологические образования можно охарактеризовать как порядки ограниченного доступа. Чем же ограничивается доступ в, казалось бы, открытых системах? Тем, что не только сохраняется, но и структурно важна, даже преобладает варварская среда — в том числе в виде иных цивилизаций, за которыми статус цивилизации по тем или иным причинам не признается. Закрыт или, точнее, жестко ограничен как доступ чужим в цивилизованный мир, так и перемещение из корпорации в корпорацию, из муниципии в муниципию внутри империй. Внутри морфологически защищенных пространств — мир, а снаружи — насилие. Насилие и становится основным регулятором ограниченно-доступа.

Переход к новым порядкам и формулам затруднен и едва ли не уникален. Как правило, за крушением империй и цивилизаций с последующей варваризацией (фаза деструкции) и образованием различных версий феодализма (системы договорных иерархий) в конечном счете следует их воссоздание и трансформация или вытеснение феодально-договорных отношений новой бюрократической инфраструктурой исторических империй (псевдоконструктивная фаза). Системы, претерпевшие подобные превращения, как бы возвращаются в цивилизационно-исторический эон.

Возможна, однако, действительно конструктивная фаза, предполагающая качественное усложнение договорных отношений и создание на этой основе плотной морфологической «сетки» институциональных формул. Чтобы достичь такого усложнения, надорвавшаяся, но не окончательно распавшаяся цивилизация окукливается и создает хризалиду — закрытую систему, внутри которой на базе универсализации и рафинирования договорных отношений, укрепления корпоративности вызревают предпосылки для последующей модернизации.

Только две постимперские системы можно достаточно надежно квалифицировать как феодально-хризалидические. Это Западная Европа XII—XV вв. и токугавская Япония XVII—XIX вв. Для них характерно разделение духовной столицы (Рим, Киото) и центров мирской власти. Это дает возможность освободить прежний господствующий центр (Рим, микадо в Японии) от бремени карающего насилия, что позволяет ему оказаться сопричастным высшим (сакральным) стандартам порядка, превратиться во всеблагой и вездесущий, а значит — перестать быть центром и стать сущностью целого. Сакральная, идеократическая консолидация позволяет образоваться хризалиде-куколке, где на собственной основе вызревают корпорации, сословия и территориальные политические общности, а с ними и внутренние предпосылки образования суверенного территориального государства, гражданского общества и объединяющей их нации.

Дальнейшее хронополитическое усложнение открывает дорогу новым морфологическим решениям и порядкам. Выступающая в качестве ключевой морфологической ячейки территориальная полития наследует

формулы закрытости и открытости у хризалид и сохранных ею закрытых и открытых порядков. Тем самым новые морфологические ячейки получают институциональные инструменты для того, чтобы открываться и закрываться вовне, в отношениях с другими ячейками, и регулировать открывание и закрывание мелких порядков внутри себя. Первое достигается, во-первых, через создание международных систем или систем территориальных государств, а во-вторых, благодаря образованию вокруг территориальных государств ореола колониальных империй и/или сфер интересов. Открытие внутри себя достигается за счет усложнения отношений между институтами гражданского общества и государства, а также такой организации интересов, при которой те обобщаются в национальные и вместе с тем конкретизируются в виде частных и даже индивидуальных с помощью формул и институтов опосредования, представительства и легитимации, типичных для полиархий.

Порядки открытого доступа вкупе с соответствующими морфологическими формулами возникают, а тем более закрепляются институционально далеко не сразу. Для этого требуются хотя бы зачатки достаточно модернизированной глобальной среды (и системы!). Пока эти зачатки локализованы в Западной Европе или Евроатлантике в виде первых поколений международных систем (от Лодийской²⁷ до различных модификаций Венской), ни о каком открытом доступе в строгом смысле слова речь не идет даже в случае морфологически наиболее продвинутых политий. Да и в них формулы открытого доступа начинают использоваться (причем весьма локально и выборочно) лишь с прошлого века по мере подъема и спада так называемых волн демократизации.

Дальнейшая проекция хронополитических тенденций позволяет рассмотреть и проблему «конца истории», завершения современности и наступления постмодерна. Логика построения политических систем побуждает связать черты наступления информационной эры, обычно трактуемые как типично постсовременные, с очередной мутацией ореола территориальных политий. При хронополитическом усложнении они получают возможность заменить архаичные колониальные империи, сферы интересов и неоколониальные шлейфы более совершенными и гибкими глобальными информационными сферами, в которых могут получить продолжение и развитие национальные инфраструктуры, включая и политическую.

Перспектива вызревания у наций-государств информационно-культурного ореола вокруг закрытого территориального ядра начинает просматриваться в условиях еще формирующейся информационной эры, которая обещает возвыситься над письменностью прорывом в электронный эфир, а над историей — компьютерным учетом не только свершенных деяний, но и «возможных миров» прошлого, настоящего и будущего. Однако образование ореолов изначально было приметой динамично развивавшихся наций-государств. Это служит одной из причин, по которым я не склонен связывать признаки информационного общества с появлением постмодерна. Модернизация и демократизация

²⁷ Имеется в виду мирное соглашение 1454 г. между Миланским герцогством, Неаполитанским королевством и Флорентийской республикой, заключенное в Лоди и на 28 лет умиротворившее Северную Италию. Что для Северной Италии того времени было немало.

политических порядков, переход к открытым доступам пока находятся в самом начале. Тем интереснее и важнее морфологическое изучение новых институциональных формул и схем. Буквально у нас на глазах разворачиваются институциональные метаморфозы поистине глобального масштаба и значения, и мы обладаем уникальной возможностью проследить, как именно — вплоть до деталей — они происходят.

Библиография

- Алпатов В.М.** 1999. *История лингвистических учений*. — М. [Alpatov V.M. 1999. Istorija lingvisticheskikh uchenij. — M.].
- Березин Ф.М.** 1984. *История лингвистических учений*. — М. [Berezin F.M. 1984. Istorija lingvisticheskikh uchenij. — M.].
- Вебер М.** 2013. *Избранное: Протестантская этика и дух капитализма*. — М., СПб. [Weber M. 2013. Izbrannoe: Protestantskaja etika i dukh kapitalizma. — M., SPb.].
- Гёте И.** 1957. *Метаморфоз растений* // Гёте И. *Избранные сочинения по естествознанию*. — М. [Goethe J.W. 1957. Metamorfoz rastenij // Goethe J.W. Izbrannye sochinenija po estestvoznaniyu. — M.].
- Даль В.** 1978. *Толковый словарь живого великорусского языка: В 4-х т. Т. 1*. — М. [Dal' V. 1978. Tolkovyyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: V 4-kh t. T. 1. — M.].
- Даль Р.** 2003. *Демократия и ее критики*. — М. [Dahl R. 2003. Demokratija i ee kritiki. — M.].
- Ильин М.В.** 1997. *Слова и смыслы: Опыт описания ключевых политических понятий*. — М. [Ilyin M.V. 1997. Slova i smysly: Opyt opisaniya kljuchevykh politicheskikh ponjatij. — M.].
- Ильин М.В.** 2013. *Имперская форма и политические порядки различной эволюционной сложности* // *Политическая наука*. № 3 [Ilyin M.V. 2013. Imperskaja forma i politicheskie porjadki razlichnoj ehvoljucionnoj slozhnosti // Politicheskaja nauka. № 3].
- Ильин М.В., Мелешкина Е.Ю.** 2010. *Балто-Черноморье: времена и пространства политики*. — Калининград [Ilyin M.V., Meleshkina E.Ju. 2010. Balto-Chernomor'e: vremena i prostranstva politiki. — Kaliningrad].
- Ильин М.В., Цымбурский В.Л.** 1997. *Общества «открытые» и «закрытые» (Миф и его рационализация)* // *Космополис: Альманах*. — М. [Ilyin M.V., Cymburskij V.L. 1997. Obshhestva «otkrytye» i «zakrytye» (Mif i ego racionalizacija) // Kosmopolis: Al'manakh. — M.].
- Каспэ С.И.** 2007. *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и западная политическая форма*. — М. [Kaspe S.I. 2007. Centry i ierarkhii: prostranstvennyye metafory vlasti i zapadnaja politicheskaja forma. — M.].
- Колесов В.В.** 1986. *Мир человека в слове Древней Руси*. — Л. [Kolesov V.V. 1986. Mir cheloveka v slove Drevnej Rusi. — L.].
- Норт Д., Уоллис Дж., Вайнгаст Б.** 2011. *Насилие и социальные порядки: Концептуальные рамки для интерпретации письменной истории человечества*. — М. [North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. 2011. Nasilie i sotsialnyye porjadki: Konceptualnyye ramki dlya interpretacii pismennoj istorii chelovechestva. — M.].

2011. Nasilie i social'nye porjadki: Konceptual'nye ramki dlja interpretacii pis'mennoj istorii chelovechestva. — M.].

Патцельг В. 2012. Исследуя историю: очерк эволюционной морфологии // *Политическая наука*. № 4 [Patzelt W. 2012. Issledujaja istoriju: ocherk ehvoljucionnoj morfologii // *Politicheskaja nauka*. № 4].

Топоров В.Н. 1961. О некоторых аналогиях к проблемам и методам современного языкознания в трудах древнеиндийских грамматиков // *Сборник памяти Ю.Н.Периха*. — М. [Toporov V.N. 1961. O nekotorykh analogijakh k problemam i metodam sovremennogo jazykoznanija v trudakh drevneindijskikh grammatikov // *Sbornik pamjati Ju.N.Perikha*. — M.].

Топоров В.Н. 1988. Комментарий к буддологическим исследованиям Ф.Н.Щербатского // Щербатской Ф.И. *Избранные труды по буддизму*. — М. [Toporov V.N. 1988. Kommentarij k buddologicheskim issledovanijam F.N.Shherbatskogo // *Shherbatskoj F.I. Izbrannye trudy po buddizmu*. — M.].

Трубачев О.Н. (ред.) 1978. *Этимологический словарь славянских языков*. Вып. 5. — М. [Trubachev O.N. (red.) 1978. *Ehtimologicheskij slovar' slavjanskikh jazykov*. Вып. 5. — M.].

Цымбурский В.Л. 2000. Форма и дхарма // *Памяти Тронского, IV*. — СПб. [Cymburskij V.L. 2000. Forma i dkharma // *Pamjati Tronskogo, IV*. — SPb.].

Archer M. 1995. *Realist Social Theory: The Morphogenetic Approach*. — Cambridge.

Goethe J.W. 1790. *Versuch die Metamorphose der Pflanzen zu erklären*. — Gotha.

Lijphart A. 1999. *Patterns of Democracy: Government Forms and Performance in Thirty-Six Countries*. — New Haven.

North D.C., Wallis J.J., Weingast B.R. 2009. *Violence and Social Orders: A Conceptual Framework for Interpreting Recorded Human History*. — N.Y.

Pokorny J. 1959. *Indogermanisches etymologisches Wörterbuch*. Bd. I. — Bern, München.

Wagenvoort H. 1947. *Roman Dynamism: Studies in Ancient Roman Thought, Language and Custom*. — Oxford.

Weber M. 1920. *Die protestantische Ethik und der Geist des Kapitalismus*. Bd. 1. — Tübingen.

Weber M. 1958. *The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism*. — N.Y.

Окончание следует